

Завтрак в «Кафе Готэм»

Автор:

Стивен Кинг

Завтрак в «Кафе Готэм»

Стивен Кинг

«Как-то я вернулся домой из брокерской фирмы, в которой работаю, и нашел на обеденном столе письмо – а вернее, записку – от моей жены с сообщением, что она уходит от меня, что ей необходимо некоторое время побыть одной и что со мной свяжется ее психотерапевт. Сидел на стуле у обеденного стола, вновь и вновь перечитывая короткие строчки, не в силах поверить. Помнится, около получаса у меня в голове билась одна-единственная мысль: „Я даже не знал, что у тебя есть психотерапевт, Диана“ ...»

Стивен Кинг

Завтрак в «Кафе Готэм»

Как-то в Нью-Йорке я заглянул в один приятный ресторан. В зале метрдотель показывал семейной паре столик. Мужчина и женщина о чем-то спорили. Метрдотель перехватил мой взгляд и очень цинично подмигнул мне. Я вернулся в гостиницу и написал рассказ. Работал три дня, ни о чем другом не думал. Конечно же, меня интересовал не безумный метрдотель, а леденящие душу отношения между разводящимися мужем и женой. По-своему эта парочка безумнее метрдотеля. Куда как безумнее.

Как-то я вернулся домой из брокерской фирмы, в которой работаю, и нашел на обеденном столе письмо – а вернее, записку – от моей жены с сообщением, что

она уходит от меня, что ей необходимо некоторое время побыть одной и что со мной свяжется ее психотерапевт. Сидел на стуле у обеденного стола, вновь и вновь перечитывая короткие строчки, не в силах поверить. Помнится, около получаса у меня в голове билась одна-единственная мысль: «Я даже не знал, что у тебя есть психотерапевт, Диана».

Потом я поднялся, пошел в спальню и огляделся. Ее одежды не было (если не считать подаренного кем-то свитера с поблескивающей поперек груди надписью «ЗОЛОТАЯ БЛОНДИНКА»), а комната выглядела как-то странно, неряшливо, будто ее обыскивали, ища что-то. Я проверил свои вещи – не взяла ли она чего-нибудь. Мои руки казались мне холодными и чужими, словно их накачали транквилизатором. Насколько я мог судить, все, чему следовало там быть, там было. Я ничего иного и не ждал, и тем не менее комната выглядела странно, словно она ее дергала, как иногда в раздражении дергала себя за кончики волос.

Я вернулся к обеденному столу (который занимал один конец гостиной – в квартире ведь было всего четыре комнаты) и перечел еще раз шесть адресованных мне фраз. Они остались прежними, но теперь, заглянув в странно взъерошенную спальню, в полупустой шкаф, я был уже на пути к тому, чтобы им поверить. Она была ледяной, эта записка. Ни «целую», ни «всего хорошего», ни даже «с наилучшими» в заключение. «Береги себя» – такой была максимальная степень ее теплоты. И сразу под этим она нацарапала свое имя.

«Психотерапевт». Мои глаза снова и снова возвращались к этому слову. «Психотерапевт». Наверное, мне следовало бы радоваться, что это не был «адвокат», но радости я не испытывал. «С тобой свяжется Уильям Хамболд, мой психотерапевт».

– Свяжись вот с этим, пупсик, – сказал я пустой комнате и прижал ладонь к паху. Но это не прозвучало круто и язвительно, как мне хотелось, а лицо, которое я увидел в зеркале напротив, было белым, как бумага.

Я прошел на кухню, налил себе апельсинового сока в стакан и уронил его на пол, когда попытался взять со стола. Сок облил нижние ящики, стакан разбился. Я знал, что непременно порежусь, если начну подбирать осколки, – у меня тряслись руки. Но я начал их подбирать. И порезался. В двух местах. Неглубоко. Я все думал: это шутка, потом понял, что нет и нет. Диана не была склонна к шуткам. Но только я же ничего подобного не ждал и ничего не мог понять.

Какой психотерапевт? Когда она у него бывала? О чем она говорила? Впрочем, пожалуй, я знал, о чем. Обо мне. Вероятно, всякую чушь о том, как я всегда забываю спустить воду, кончив мочиться, как я требую орального секса до надоедливости часто. (На какой частоте возникает надоедливость? Я не знал.) Как я мало интересуюсь ее работой в издательстве. И еще вопрос: как она могла обсуждать самые интимные стороны своего брака с человеком по имени Уильям Хамболд? В самый раз для физика из Калифорнийского технологического института или заднескамеечника в Палате лордов.

И еще супервопрос: почему я не замечал, как что-то назревало? Каким образом я мог нарваться на это, точно Сонни Листон на знаменитый неуловимый апперкот Кассиуса Клея? По глупости? Из-за отсутствия чуткости? По мере того как проходили дни и я перебирал в памяти последние шесть – восемь месяцев нашего двухлетнего брака, у меня сложилось убеждение, что причина заключалась и в том, и в том.

В тот вечер я позвонил ее родителям в Паунд-Ридж и спросил, не у них ли Диана.

– Да, она здесь и она не хочет разговаривать с вами, – сказала ее мать. – Больше не звоните.

Тишина в трубке у моего уха.

Два дня спустя мне в контору позвонил знаменитый Уильям Хамболд. Удостоверившись, что действительно говорит со Стивеном Дэвисом, он тут же начал называть меня Стивом. Может, вам чуточку трудно в это поверить, однако было именно так. Голос Хамболда был мягким, тихим, интимным, и мне представился кот, мурлыкающий на шелковой подушке.

Когда я спросил про Диану, Хамболд ответил, что «все идет настолько хорошо, насколько можно было ожидать», а когда я спросил, нельзя ли мне поговорить с ней, он выразил мнение, что «это на данном этапе было бы контрпродуктивно». Затем, совсем уж немыслимо (во всяком случае, на мой взгляд), он осведомился карикатурно заботливым тоном, как поживаю я.

– Лучше некуда, – ответил я. Я сидел за столом, опустив голову, обхватив лоб левой рукой. Глаза у меня были зажмурены, чтобы не смотреть в ярко-серую

глазницу экрана моего компьютера. Я много плакал, и было такое ощущение, что под веки попал песок. – Мистер Хамболд... ведь «мистер», а не доктор?

– Я предпочитаю «мистера», хотя имею степени...

– Мистер Хамболд, если Диана не хочет вернуться домой, если она не хочет разговаривать со мной, так чего же она хочет? Зачем вы звоните?

– Диана хотела бы получить доступ к сейфу, – сказал он вкрадчивым, мурлыкающим голосом. – Вашему ОБЩЕМУ сейфу.

Тут я понял, почему у спальни был такой мятый, взъерошенный вид, и ощутил первые яркие проблески злости. Ну конечно же! Она искала ключ к сейфу. Она не интересовалась моей небольшой коллекцией серебряных долларов, чеканившихся до Второй мировой войны, или кольцом с розовым ониксом, которое купила мне к первой годовщине нашей свадьбы (годовщин этих у нас было всего две)... но в сейфе хранилось бриллиантовое кольцо, которое я ей подарил, и примерно на тридцать тысяч долларов ценных бумаг. Ключ был в нашем летнем домике в Адирондакских горах, вспомнил я. Не нарочно, а по забывчивости я оставил его на книжном шкафу у самой стены среди пыли и мышиного помета.

Резкая боль в левой руке. Я посмотрел и увидел, что она стиснута в тугой кулак. Я раскрыл пальцы. В подушечке ладони ногти отпечатали глубокие полумесяцы.

– Стив? – промурлыкал Хамболд. – Стив, вы слушаете?

– Да, – ответил я. – Мне надо сказать вам две вещи. Вы готовы?

– Разумеется, – сказал он все тем же мурлыкающим голосом, и на миг мне представилось, как Уильям Хамболд мчит по пустыне на «харлей-дэвидсоне» в окружении своры Ангелов Ада. А на спине его кожаной куртки: «РОЖДЕН ДЛЯ КОМФОРТА».

Снова боль в левой руке. Она вновь непроизвольно стиснулась в кулак, как смыкаются створки устрицы. На этот раз, когда я его разжал, два маленьких полумесяца из четырех кровоточили.

– Во-первых, – сказал я, – сейф останется запертым до тех пор, пока какой-нибудь судья по бракоразводным делам не распорядится открыть его в присутствии адвоката Дианы и моего. А тем временем никто его не обчистит, и это точно. Ни я, ни она. – Я помолчал. – И ни вы.

– По-моему, враждебная позиция, которую вы заняли, контрпродуктивна, – сказал он. – И, Стив, если вы подумаете о том, что сейчас наговорили, возможно, вам будет легче понять, почему ваша жена настолько эмоционально сокрушена, настолько...

– Во-вторых, – перебил я его (это мы, враждебно настроенные, умеем!), – то, что вы называете меня уменьшительным именем, я нахожу оскорбительно фамильярным и бестактным. Попробуйте еще раз по телефону, и я сразу повешу трубку. Попробуйте назвать меня так в лицо, и вы на опыте убедитесь, насколько враждебна моя позиция.

– Стив... мистер Дэвис... мне кажется...

Я повесил трубку. Сделав это, я ощутил что-то вроде удовольствия – в первый раз после того, как нашел на обеденном столе записку, придавленную ее тремя ключами от квартиры.

В тот же день я поговорил с приятелем в юридическом отделе, и он порекомендовал мне своего друга, который брал бракоразводные дела. Я не хотел развода – я был в бешенстве из-за нее, но по-прежнему любил ее и хотел, чтобы она вернулась, – однако мне не нравился Хамболд. Мне не нравилась сама идея его существования. Он действовал мне на нервы – он и его мурлыкающий голосишко. Мне кажется, я предпочел бы крутого крючкотвора, который позвонил бы и сказал: «Отдайте нам ключ от сейфа до конца рабочего дня, Дэвис, и, может быть, моя клиентка сжалится и решит, оставить вам что-нибудь сверх двух пар исподнего и карточки донора, усекли?»

Это я мог бы понять. А вот от Хамболда разило подлой пронырливостью.

Специалиста по разводам звали Джон Ринг, и он терпеливо выслушал повесть о моих горестях. Подозреваю, почти все это он уже много раз слышал раньше.

– Будь я совершенно уверен, что она хочет развода, по-моему, мне было бы легче, – закончил я.

– Так будьте совершенно уверены, – сразу же сказал Ринг. – Хамболд просто ширма, мистер Дэвис... и потенциально сокрушительный свидетель, если дело дойдет до суда. Не сомневаюсь, что сначала ваша жена обратилась к адвокату, и когда адвокат узнал про пропавший ключ от сейфа, он рекомендовал Хамболда. Адвокат не мог бы вам позвонить, это было бы нарушением этики. Предъявите ключ, друг мой, и Хамболд исчезнет со сцены. Можете не сомневаться.

Почти все это я пропустил мимо ушей. Мои мысли сосредоточились на его первых словах.

– Так вы считаете, она хочет развода, – сказал я.

– Безусловно, – сказал он. – Она хочет развода. Очень хочет. И, покончив с браком, не намерена остаться с пустыми руками.

Я договорился с Рингом обсудить все подробнее на следующий день. Домой из конторы я вернулся как мог позднее, некоторое время бродил по квартире, решил пойти в кино, не нашел ни одного фильма, который хотел бы посмотреть, включил телевизор, не нашел ни одной заинтересовавшей меня программы и опять принялся бродить из комнаты в комнату. В какой-то момент я обнаружил, что стою в спальне у открытого окна в четырнадцать этажах над улицей и швыряю вниз все мои сигареты, даже затхлую пачку «Вайсройз», завалившуюся у дальней стенки ящика письменного стола, – пачку, которая, возможно, пролежала там десять лет или дольше, иными словами, с того времени, когда я понятия не имел, что на свете существует такая тварь, как Диана Кислоу.

Хотя в течение двадцати лет я выкуривал от двадцати до сорока сигарет в день, не помню, чтобы у меня внезапно возникло желание покончить с курением, не помню и никакой внутренней борьбы – ни даже логичной мысли, что, может быть, третий день после ухода вашей жены – не самый оптимальный момент, чтобы бросить курить. Я просто выкинул через окно в темноту нераспечатанный блок, полблока и две-три начатые пачки, которые нашел в комнатах. Затем закрыл окно (мне в голову не пришло, что было бы эффективнее выбросить не курево, а курильщика, – ни разу не пришло), растянулся на кровати и закрыл

глаза.

Следующие десять дней, пока я терпел худшие следствия физического отказа от никотина, были трудными, часто тягостными, но, пожалуй, не настолько скверными, как я ожидал. Меня тянуло закурить десятки... нет, сотни раз, я этого не сделал. Были минуты, когда мне казалось, что я сойду с ума, если сейчас же не закурю, а встречая на улице курящего прохожего, испытывал почти непреодолимое желание завизжать: «Отдай, мудак! Она моя!», – но удерживался.

Худшие минуты наступали поздно ночью. Мне кажется (но я не уверен: мои мыслительные процессы того времени вспоминаются мне крайне смутно), будто я решил, что, бросив курить, буду лучше спать, но ничего подобного! Иногда я лежал без сна до трех часов утра, сцепив руки под подушкой, глядя в потолок, слыша сирены и погромыхивание тяжелых грузовиков. И я думал о круглосуточном корейском супермаркете почти прямо напротив моего дома. Я думал о белом сиянии флюоресцентных плафонов внутри, таком ярком, что оно приводило на память соприкосновение Кублер-Росс со смертью[1 - Кублер-Росс Элизабет, психиатр, автор книги «О смерти и умирании», 1969 год. – Примеч. пер.]. Видел, как оно выплескивается на тротуар между витринами, которые еще через час два молодых корейца в белых бумажных колпаках начнут заполнять фруктами. Я думал о мужчине постарше за прилавком, тоже корейце, тоже в бумажном колпаке, о блоках и блоках сигарет на полках у него за спиной, величиной не уступающих скрижалям, с которыми в «Десяти заповедях» Чарльз Хестон спускается с Синая. Я думал о том, как встану, оденусь, пойду туда, куплю пачку сигарет (а может быть, девять или десять пачек) и, сидя у окна, буду курить «Мальборо» одну за другой, а небо на востоке зарозовеет, и взойдет солнце... Я этого не сделал, но ночь за ночью в предрассветные часы я засыпал, считая не слонов, а марки сигарет: «Уинстон»... «Уинстон 100с»... «Вирджиния слимс»... «Дорал»... «Мерит»... «Мерит 100с»... «Кэмел»... «Кэмел филтерс»... «Кэмел лайтс».

Попозже – примерно тогда, когда последние три-четыре месяца нашего брака, правду сказать, начали представляться мне более ясно – у меня сложилось убеждение, что мое решение бросить курить именно тогда, быть может, не было таким скоропалительным, как казалось сперва, и вовсе не безрассудным. Я не отличаюсь блестящим умом, да и особым мужеством тоже, но это решение можно счесть и блестящим, и мужественным. Во всяком случае, это не

исключено: иногда мы становимся выше самих себя. В любом случае отказ от курения помог мне в первые дни после ухода Дианы сосредоточить мысли на чем-то конкретном; обеспечил моей тоске словесную форму, которой иначе она была бы лишена – не знаю, поймете ли вы. Скорее всего нет. Но не знаю, как выразить это иначе.

Прикидываю ли я, что отказ от курения в тот момент мог сыграть свою роль в том, что произошло тогда в «Кафе Готэм»? Естественно... Но это меня не трогает. В конце-то концов никто из нас не способен предсказать финальный результат наших поступков, да и мало кто пытается. Большинство поступает так, как поступает, чтобы продлить удовольствие или на время заглушить боль. И даже когда наши поступки диктуются самыми благородными побуждениями, последнее звено в цепи слишком часто обагрено чьей-то кровью.

* * *

Хамболд позвонил мне через две недели после того вечера, когда я бомбардировал сигаретами Восемьдесят третью улицу, и на этот раз он строго придерживался «мистера Дэвиса», как формы обращения. Он спросил меня, как я поживаю, и я ответил ему, что хорошо. Отдав таким образом дань вежливости, он сообщил мне, что звонит по поручению Дианы. Диана, сказал он, хотела бы встретиться со мной и обсудить «некоторые аспекты» нашего брака. Я подозревал, что «некоторые аспекты» подразумевают ключ к сейфу, не говоря уж о разных других финансовых вопросах, которые Диана сочтет нужным прояснить до того, как вытолкнет на сцену своего адвоката, однако моя голова сознавала одно, а тело вело себя совсем иначе. Я чувствовал, как краснеет моя кожа, как все быстрее колотится сердце. Я ощущал дерганье пульса в руке, держащей трубку. Не забывайте, в последний раз я видел ее утром того дня, когда она ушла. Но видел ли? Она спала, зарывшись лицом в подушку.

Однако у меня хватило здравого смысла спросить, о каких, собственно, аспектах мы говорим.

Хамболд сально хихикнул мне в ухо и ответил, что предпочел бы отложить это до нашей встречи.

– Вы уверены, что это такая уж хорошая идея? – спросил я, чтобы оттянуть время. Я ведь знал, что это очень плохая идея. И еще я знал, что соглашусь. Я

хотел увидеть ее еще раз. Чувствовал, что должен увидеть ее еще раз.

- О да, я в этом убежден. - Сказано это было мгновенно, без колебаний. И последние сомнения в том, что Хамболд и Диана тщательнейшим образом отработали это между собой (и, да, вполне вероятно, советуясь с адвокатом), тут же улетучились... - Всегда следует дать пройти какому-то времени, прежде чем главные участники конфликта встретятся - дать им поостыть, однако, на мой взгляд, встреча лицом к лицу теперь облегчит...

- Позвольте мне сообразить, - сказал я. - Вы имеете в виду...

- Завтрак, - сказал он. - Послезавтра? У вас найдется для него время?

«Ну конечно, найдется, - подразумевал его тон. - Просто, чтобы снова ее увидеть... почувствовать легчайшее прикосновение ее руки. А, Стив?»

- В любом случае первую половину дня в четверг я свободен, так что тут затруднений не возникнет. Мне привести с собой моего... моего психотерапевта?

Снова сальный смешок задрожал у меня в ухе, будто нечто, секунду назад извлеченное из формочки для желе.

- А у вас он есть, мистер Дэвис?

- Собственно говоря, нет. Вы уже наметили место?

Я было спросил себя, кто будет платить за этот обед, и тут же улыбнулся собственной наивности. Сунул руку в карман за сигаретой, и мне под ноготь вонзился кончик зубочистки. Я вздрогнул, выдернул зубочистку, осмотрел ее кончик на предмет крови, ничего не обнаружил и сунул зубочистку в рот.

Хамболд успел что-то сказать, но я прослушал. При виде зубочистки я вновь вспомнил, что ношу по волнам мира без сигарет.

- Простите?

– Я спросил, знаете ли вы «Кафе Готэм» на Пятьдесят третьей улице? – сказал он уже с легким нетерпением... – Между Мэдисон и Парком?

– Нет, но не сомневаюсь, что сумею его отыскать.

– В полдень?

Я хотел было сказать ему, чтобы он сказал Диане, чтобы она надела свое зеленое платье в черную крапинку с длинным разрезом на боку, но решил, что это может оказаться контрпродуктивным.

– Прекрасно, значит, в полдень.

Мы сказали то, что обычно говорят, кончая разговор с тем, кто вам уже не нравится, но с кем у вас есть дела. Затем я расположился перед компьютером и задумался, достанет ли у меня сил встретиться с Дианой, если я не выкурю предварительно хотя бы одной сигареты.

По мнению Джона Ринга, ничего прекрасного здесь не было. Ни в чем.

– Он вас подставляет, – сказал он. – И она с ним вместе. При такой расстановке сил адвокат Дианы будет там присутствовать незримо, а я – ни в каком качестве. Воняет за милю.

«Может быть, но тебе-то она никогда не всовывала язык в рот, чувствуя, что ты вот-вот кончишь», – подумал я. Но, поскольку таких вещей не говорят адвокату, чьими услугами вы только-только заручились, я сказал лишь, что хочу увидеть ее еще раз, посмотреть, нет ли шанса все уладить.

Он вздохнул.

– Не морочьте себе голову. Вы видите в этом ресторане его, вы видите ЕЕ, вы преломляете с ними хлеб, выпиваете немного вина, она закладывает ногу за ногу, вы смотрите, вы мило беседуете. Она снова закладывает ногу за ногу, вы смотрите и смотрите, и, возможно, они убедят вас сделать дубликат ключа к сейфу...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Кублер-Росс Элизабет, психиатр, автор книги «О смерти и умираии», 1969 год. –
Примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/stiven-king/zavtrak-v-kafe-gotem>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)